

Книга русской скорби

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К53

К53 Книга русской скорби: Выпуск 2 / – М.: Книга по Требованию, 2022. –
316 с.

ISBN 978-5-458-08965-4

Издание русского народного союза имени Михаила Архангела. Автор пре-
дисловия В. Пуришкевич.

ISBN 978-5-458-08965-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Еремѣй Григорьевичъ Рудницкій.

Городовой Аккерманской полицейской команды.

Скончался отъ ранъ 2 Іюня 1908 г.

Съ оскорбленнымъ чувствомъ правды и справедливости беремъ за перо для почтенія памяти тѣхъ безвременно погибшихъ отъ руки разбойниковъ-революціонеровъ, которые пострадали только за то, что свято и неуклонно исполняли свои обязанности. Горечь сердца и души усугубляется еще и тѣмъ, что погибали честные слуги Царя и родины за то только, что исполняли свою службу добросовѣстно съ полнымъ сознаниемъ долга и пренебрегали опасностью. Однимъ былъ Еремѣй Григорьевичъ Рудницкій, городской Аккерманской полицейской команды. Вотъ обстоятельства, при которыхъ онъ погибъ. Крестьянинъ по происхожденію Рудницкій, достигнувъ призывнаго возраста, былъ зачисленъ рядовымъ Одесской конвойной команды, откуда онъ былъ уволенъ въ отставку въ 1902 году, но затѣмъ, во время Японской войны, былъ призванъ вновь на военную службу. Во время этой войны Житомирскій пѣхотный полкъ, въ

которомъ былъ Рудницкій, стоялъ во фронтъ дѣйствующей арміи. Ему пришлось участвовать въ самыхъ горячихъ бояхъ; такъ, напримѣръ, при атакѣ Сандепу, когда кругомъ него валились люди, онъ остался живъ какъ будто-бы для того, чтобы сложить свою голову отъ пули жида анархиста-революціонера. Войска начали возвращаться на постоянныя квартиры, а затѣмъ послѣдовало увольненіе въ запасъ. Уволенъ былъ и Рудницкій. Военная служба въ мирное время, а затѣмъ и въ военное отвлекла его отъ деревни и его прирожденнаго занятія. Тамъ, въ томъ семейномъ деревенскомъ мірѣ, произошли за время его отсутствія такія перемѣны, которыя заставили его искать заработка на сторонѣ и онъ, хорошо аттестованный, вернувшійся на родину съ званіемъ унтеръ-офицера, былъ охотно принятъ въ составъ Аккерманской городской полиціи.

Въ Аккерманѣ, какъ и въ другихъ населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, во время „освободительнаго движенія“ ежедневно практиковались различныя способы грабежей и насилій. Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ были письменныя требованія денегъ съ угрозой, въ случаѣ ихъ неисполненія, смертью. 1-го юня 1908 года еврей Янкель Шрира по такому требованію долженъ былъ уплатить анархистамъ-коммунистамъ извѣстную сумму, о чемъ заявилъ полиціи. Приставъ 2-го участка гор. Аккермана Ковальчукъ приказалъ Рудницкому надѣть статское платье и занять полицейскій постъ на углу Николаевской и Михайловской улицъ для наблюденія. Въ этомъ мѣстѣ Шрира долженъ передать деньги. Начало смеркаться, и вскорѣ появился какой-то неизвѣстный и подошелъ къ Шрирѣ, тотъ послѣдній далъ городовому сигналъ, Рудницкій бросился задержать неизвѣстнаго. Замѣтивъ его намѣреніе, злодѣй выстрѣлилъ два раза: одна пуля контузила руку Рудницкаго, а другой онъ былъ раненъ въ животъ. Не обращая вниманія на полученную тяжелую рану, Рудницкій напрягъ послѣднія усилія и все таки лично задержалъ злодѣя и передалъ преступника подоспѣвшимъ городовымъ, а самъ упалъ въ изнеможеніи отъ потери крови. Его тотчасъ доставили въ мѣстную больницу, гдѣ онъ въ теченіи сутокъ испытывалъ

страшныя страданія и 2-го іюня скончался. Горе его семьи, разумѣется, не поддается описанію, не говоря о томъ, что семья лишилась кормильца, она потеряла въ отцѣ и мужѣ незамѣнимаго человѣка, посвящавшаго всю жизнь заботамъ о женѣ и двухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, оставшихся на произволь судьбы. Хотя семья была на первое время обезпечена, но это обезпеченіе не могло-же умалить горя отъ внезапной, ни чѣмъ не вознагражденной утраты. Православное населеніе Аккермана достойно почтило память злодѣйски убитаго Еремѣя Рудницкаго. Похороны были весьма торжественныя. Гробъ съ тѣломъ убитаго, усыпанный цвѣтами, несли его товарищи. За гробомъ шла рота Можайскаго полка, взводъ конныхъ стражниковъ. Народъ съ обнаженными головами при приближеніи печальной процессіи преклонялъ колѣна и поклонялся праху безвременно скончавшагося и невинно пострадавшаго. Рудницкій погибъ, защищая Шрира отъ его-же единомышленника, покушавшагося на кармакъ послѣдняго. Анархистъ оказался также евреемъ. Рудницкій защищалъ во имя исполненія принятаго на себя долга, безразлично исполняемаго слугой Царя, какъ сознаніе необходимости пресѣченія всякаго беззаконія, противъ кого-бы то оно ни было направлено. Примѣръ—достойный подраженія, достойный всякаго участія къ семьѣ покойнаго, утратившей въ слугѣ родины единственнаго печальника и заботника объ ея существованіи.

Александръ Андреевичъ Скорупскій,

бывшій начальникъ станціи „Рось“ Юго-Запад. ж. д. убитъ тамъ-же въ ночь съ 7-го на 8-ое августа 1907 г.

„Скорупскій Александръ Андреевичъ, будучи начальникомъ станціи Рось Ю.-З. ж. д. палъ отъ руки злоумышленниковъ, произведшихъ съ 7-го на 8-ое августа 1907 года вооруженное нападеніе на эту станцію съ цѣлью ограбленія кассы.

Нападеніе было произведено при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

7 августа 1907 года около 10¹/₂ часовъ вечера начальникъ станціи А. А. Скорупскій, сидя на крыльцѣ своей квартиры, обратилъ вниманіе на то, что со стороны перрона одинъ за другимъ вошло въ аданіе станціи 4—5 неизвѣстныхъ лицъ. Зная, что въ это время пассажировъ на станціи быть не можетъ и, заподозривъ недоброе, онъ отправился на станцію.

Войдя въ залъ III класса, А. А. Скорупскій услышалъ обращенный къ нему вопросъ: „Вы начальникъ Станціи?“— „Да, я“, отвѣчалъ онъ.—Тогда одинъ изъ злоумышленниковъ крикнулъ:—„Деньги!“—На это А. А. Скорупскій отвѣтилъ двумя выстрѣлами изъ револьвера, послѣ которыхъ

одинъ изъ грабителей, будучи раненъ, упалъ, а остальные, поднявъ стрѣльбу изъ револьверовъ, бросились бѣжать. А. А. Скорупскій самоотверженно съ рискомъ для собственной жизни, сталъ преслѣдовать убѣгавшихъ грабителей и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аданія станціи, раненый злодѣемъ пулей въ руку и сердце, тутъ же скончался.

Покойный А. А. Скорупскій происходилъ изъ дворянъ, православнаго вѣроисповѣданія, родился 17-го августа 1852 года въ м. Маховкѣ, Бердичевского уѣзда, Киевской губерніи, образованіе получилъ въ Мозырской гимназіи Минской губерніи. На службѣ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ А. А. Скорупскій прослужилъ 31 годъ въ должностяхъ конторщика, помощника, начальника, завѣдующаго разъѣздомъ и, послѣднія почти 5 лѣтъ, въ должности начальника станціи Рось.

Прахъ покойнаго А. А. Скорупскаго 11 августа 1907 года погребенъ въ г. Кіевѣ на Ново-Байковомъ кладбищѣ.

Провозъ тѣла отъ станціи Рось до г. Кіева и всѣ расходы по погребенію были произведены за счетъ Юго-Западныхъ ж. д.

Кромѣ того Управленіемъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ возбуждено ходатайство предъ Главнымъ Управленіемъ желѣзныхъ дорогъ о назначеніи женѣ покойнаго пенсіи въ размѣрѣ оклада, получаемаго ею покойнымъ мужемъ, а именно 660 р. въ годъ, а сынъ его Георгій зачисленъ на службу въ Управленіе Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. “

Эта краткая біографія, засвидѣтельствованная официальными подписями и печатями, сказала все—что еще прибавить?—Подвигъ совершенъ и навсегда западетъ въ сердца тѣхъ, къ чьимъ устамъ мы подносимъ эту чашу Русской Скорби для того, чтобы, осушивъ ее до дна, сердца эти затрепетали тѣми самыми чувствами, которые горѣли въ замолкнувшихъ навсегда сердцахъ тѣхъ, что „*принесли отъ великой скорби...*“ Эти горячія кровавыя капли будутъ падать одна за другой до тѣхъ поръ, пока сердца не переполнятся алой горячей кровью, пока русскія уста читателей не воскликнутъ: „Чаша съ краями полна!“

И, хотя каждая новая горячая кровавая капля сжимаетъ

русскія сердца такой знакомой и вмѣстѣ съ тѣмъ острой болью—мы не остановимся передъ тѣмъ, что-бы сдѣлать, эту каплю еще болѣе горькой, еще болѣе жгучей и ѣдкой... Намъ мало сказать:—*Подвигъ совершенъ!*—Мы расскажем, *къмъ* онъ совершенъ: намъ мало сказать:—*Онъ погибъ!* Мы покажемъ русскому читателю, *кто* погибъ—и пусть польются его слезы и льются долго—пока не омоется въ нихъ кровавая скорбная русская чаша, пока она не заблеститъ опять ярко и побѣдоносно чистымъ золотомъ и яркими самоцвѣтными драгоценными каменьями...

Неужели-же онъ интересенъ, этотъ павшій герой „русскаго освободительнаго движенія“? Что можетъ быть замѣчательнаго въ жизни маленькаго, сѣренькаго человѣка, начальника незначительной станціи?.. Проносясь въ ярко-освѣщенныхъ поѣздахъ мимо безчисленнаго количества такихъ заброшенныхъ станцій, замѣчая на нихъ знакомыя фигуры обыкновенныхъ сѣренькихъ чиновниковъ въ красной фуражкѣ—вамъ поневолѣ вспоминается Чеховъ и его описаніе жизни этихъ несчастныхъ сѣрыхъ одиночекъ, съ ихъ томленіемъ, однообразіемъ и скукой.. И внѣшнія обстоятельства жизни А. А. Скорупскаго, повидимому, способны только подтвердить наше впечатлѣніе. Что такое была его жизнь: трудъ, трудъ незамѣтный, невидный, неинтересный, трудъ безъ конца однообразный, безъ блеска, безъ явныхъ наградъ успѣха, извѣстности... Да, но въ этомъ маленькомъ незамѣтномъ трудѣ было то, что, можетъ быть, не всегда бываетъ въ самыхъ яркихъ блистательныхъ карьерахъ: Неуклонное, неусыпное исполненіе своего долга, удовлетвореніе чистой совѣсти...

Вотъ что пишеть о немъ лицо, близко его знавшее:

„А. А. Скорупскій былъ труженикъ, труженикъ честный, добросовѣстный, полагавшій, что этихъ качествъ совершенно достаточно для того, чтобы служить и имѣть успѣхъ по службѣ. Онъ полагалъ, что честное исполненіе своихъ обязанностей всегда будетъ замѣчено его начальствомъ и, что оно окажется справедливымъ и отнесется къ нему поощрительно. Но, къ сожалѣнію, надежды его не оправдались, такъ какъ здѣсь нужны были не ревностная служба, не

исполнительность, а нѣчто иное: здѣсь нужна была протекція сильныхъ и вліятельныхъ родныхъ и знакомыхъ. Ничего этого онъ не имѣлъ, да и не искалъ, находя всё эти заискиванія недостойными для себя средствами. Кромѣ этого обстоятельства было и другое и, можетъ быть, главное, почему служба его не увѣнчалась тѣмъ успѣхомъ, какого она, казалось заслуживала: поступивъ на службу Юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, А. А. Скорупскій сразу попалъ въ чуждую ему среду, преслѣдующую свои собственные и особенные интересы; онъ, *какъ русскій, съ чисто-русскими убѣжденіями, попалъ въ среду по преимуществу инородцевъ, отъ которой трудно было ему ожидать и вниманія и справедливости.* Онъ въ теченіе болѣе 25-ти лѣтъ несъ службу тяжкую, подначальную и отвѣтственную, то въ качествѣ конторщика, то помощника начальника какой-либо станціи, одинъ разъ былъ и начальникомъ „Развѣзда“. И только послѣ такой продолжительной и чернорабочей службы въ поощреніе за всё его труды, онъ былъ назначенъ начальникомъ станціи „Рось“, станціи незначительной, стоящей на пути Умань-Казатинь-Кіевъ, внѣ всякихъ поселеній, дѣлавшей его жизнь изолированной и, за исключеніемъ служебныхъ занятій и семьи, одинокой. Тѣмъ не менѣе съ этимъ назначеніемъ онъ почувствовалъ себя нѣсколько удовлетвореннымъ за все прошлое. Теперь онъ сознавалъ себя уже въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ, главой, хотя и маленькаго, но отдѣльнаго дѣла, человѣкомъ болѣе или менѣе независимымъ, болѣе или менѣе свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а усиленный до 55-ти р. мѣсячный окладъ сдѣлалъ его жизнь болѣе обеспеченной—все унизительное тяжелое вмѣстѣ съ нуждой въ матеріальныхъ средствахъ, все это отошло въ прошлое и, быть можетъ, невозвратное“ ...

Такова была внѣшняя сторона жизни А. А. Скорупскаго, какъ намъ рассказываютъ о ней такъ искренно, безыскусственно и правдиво тѣ, кто его зналъ...

Какова-же была его внутренняя жизнь, та жизнь, что ютилась въ небольшой тѣсной квартиркѣ небольшого домика, прилѣпившагося къ станціонному зданію, — какова была та жизнь, которой не могли уловить разсѣянные или

сострадательные взоры, скользвившіе по фигурѣ сѣренькаго чиновника въ красной фуражкѣ изъ ярко-освѣщенныхъ оконъ мчавшихся мимо поѣздовъ?...

Да, это была тѣсная квартирка, всего двѣ-три комнатки, но какъ здѣсь было уютно, какъ все здѣсь полно было вкуса, во всемъ ярко отпечатлѣлось присутствіе интеллигентной женщины съ изящной артистической душой. Въ углу пріютилось піанино, сверкая своею полированной чернотой, на немъ скрипка въ деревянномъ футлярѣ, много нотъ, на столѣ газеты, книги... И, если-бы летучимъ мимолетнымъ свидѣтелямъ удалось заглянуть въ сердца обитателей этого заброшеннаго уголка—многіе изъ нихъ вздрогнули-бы отъ изумленія и зависти. Тутъ царила красота, поэзія и любовь... Тутъ въ каждую свободную минуту раздавались звуки музыки — пѣла скрипка, нѣжно сливаясь съ нею отзывались клавиши піанино. Пѣлись мелодичныя пѣсни звучными, красивыми голосами, за уютнымъ чайнымъ столомъ, освѣщеннымъ бѣлымъ колпакомъ висячей лампы, затѣвались потомъ веселые споры—происходило общее чтеніе, затѣмъ оживленный обмѣнъ мыслей. Здѣсь не было мѣщанскихъ перебранокъ, мѣщанской пошлости... Здѣсь любовно растился единственный подростокъ—сынъ и, наконецъ, превратившись въ юношу, избралъ въ тяжелые для родины годы дорогу въ ея армію, въ ея воинство, отъ котораго такъ многіе и такъ поспѣшно отвернулись при первыхъ его неудачахъ... И, слившись въ этой общей любви къ единственному ребенку, сердца людей, полюбившихъ другъ друга когда-то въ юныя незабвенныя минуты — сохранили на всю жизнь свѣжесть перваго, полнаго неразмѣняшагося на мелкую монету, чувства... Когда сѣренькій чиновникъ въ красной фуражкѣ въ минуты досуга возился съ своими цвѣтами и деревьями въ небольшомъ станціонномъ полисадникѣ и время отъ времени встрѣчался взглядомъ съ глазами, любовно слѣдившими за нимъ изъ окна, онъ чувствовалъ, что въ душѣ его не завялъ ни одинъ цвѣтокъ, взрощенный юными надеждами молодости и въ этомъ ему могли позавидовать многіе изъ тѣхъ, кто, проносясь въ ярко-освѣщенныхъ поѣздахъ мимо этого заброшеннаго уголка—уносилъ въ сво-

ихъ увядшихъ сердцахъ одни сухіе осыпавшіеся стебли, да скорченные, сморщенные опавшіе лепестки...

Такъ шло до того времени, когда все смѣшалось въ Россіи, все заняло, завертѣлось въ страшномъ вихрѣ событий, на Дальнемъ Востокѣ, а затѣмъ у себя дома. Такимъ людямъ, какъ А. А. Скорупскій, настоящимъ русскимъ людямъ или, какъ ихъ стали звать съ глумливой насмѣшкой враги — „истинно-русскимъ“ людямъ пришлось плохо. Сердца ихъ болѣли и страдали за родной позоръ — а тутъ со всѣхъ сторонъ торжествующіе насмѣшливые враги вередяты незажившія раны. Отцу будущаго воина „за Царя и Отечество“ пришлось пережить не мало горькихъ минутъ. А, когда успокоились первыя минуты революціоннаго неистовства, выяснилось, что онъ самъ стоитъ теперь на боевомъ посту. Еще недавно, во славу свободы и прогресса, разрѣшалось только убивать, теперь стали еще и воровать, — начались ограбленія станцій; одно время на станціи „Росъ“ была даже военная охрана, но затѣмъ ее сняли.

Въ уютной квартиркѣ, около станціоннаго зданія почти замолкли теперь пѣвучіе звуки скрипки и піанино. Надо было удвоить бдительность, ни одной минуты нельзя было быть увѣреннымъ за цѣлость кассы, за честь своего долга. И вотъ въ одинъ поздній августовскій вечеръ — уютно и таинственно блестѣли очки семафора, на крылечкѣ маленькаго домика возлѣ станціоннаго зданія чуть виднѣлись двѣ сѣрыя тѣни, почти сливавшіяся одна съ другой въ спустившихся сумеркахъ — скучныя, сѣрыя однообразныя тѣни чеховскихъ типовъ — такъ думали люди въ яркихъ поѣздахъ, проносившихся мимо...

Такую-же робкую сѣрую чеховскую тѣнь въ красной фуражкѣ ожидали встрѣтить и тѣ темныя, зловѣщія фигуры, что тихонько прокрадывались въ зданіе станціи въ этотъ поздній неурочный часъ... И вотъ онъ передъ ними, этотъ сѣренькій человекъ въ красной фуражкѣ... но что это? Руки его не подняты вверхъ — въ нихъ что-то сверкаетъ, дерзко и громко одинъ за другимъ грянули выстрѣлы. Въмѣсто сѣраго чеховскаго типа передъ ними — русскій богатырь, русскій удалецъ — потомокъ тѣхъ далекихъ, далекихъ витя-

зей, что съ одною дубинкою выходили на несмѣтные вражескія полчища.

— „Махнетъ дубинкой разъ—улица, махнетъ въ другой—переулочекъ!!..“

И темныя люди пустились на утекъ отъ русскаго богатыря, который жилъ никому неизвѣстный, никому невѣдомый въ тихомъ уголкѣ своей родины — жилъ чуть не тридцать три года, какъ Илья Муромецъ, за печкой!.. А онъ за ними, ему мало обратитъ ихъ въ бѣгство—одинъ изъ нихъ уже упалъ отъ его выстрѣла—падо схватить или добить и остальныхъ... Въ эту минуту онъ забылъ все, всю свою жизнь, свою дорогую подругу, единственнаго сына, его толкнуло, бросило впередъ, онъ весь порывъ, подвигъ; онъ, можетъ быть, впервые въ жизни исполняетъ свое истинное призваніе — стать грудью на защиту своего долга...

Увы! въ первый и послѣдній разъ... Пуля убѣгавшихъ и отстрѣливавшихся разбойниковъ угодила ему прямо въ сердце...

„Но злая пуля осетина его во мракѣ догнала!“

То-же лицо, близкое покойному, чьи слова мы приводили выше, говоритъ такъ:

„Послѣ этого, кто не согласится съ тѣмъ, что этотъ случай съ А. А. Скорупскимъ представляетъ собою величайшій образецъ преданности своему долгу, который былъ выполненъ до послѣдней минуты, выполненъ сознательно, съ опасностью для собственной жизни, безъ страха и упрека, по-геройски. И если все это произошло безъ всякаго расчета на отличія и награды, если во всемъ этомъ было только подчиненіе долгу, то совершенное А. А. Скорупскимъ, кто не признаетъ подвигомъ, а его самого—героемъ. И такимъ признали его всѣ тѣ, кто изъ многихъ, явившихся на поклоненіе его праху, были освѣдомлены о всѣхъ обстоятельствахъ происшедшаго.“

И первымъ, или изъ первыхъ, такимъ, былъ гр. Игнатьевъ, бывшій нашъ посолъ въ Константинополь, нынѣ проживающій въ своемъ имѣніи не подалеку отъ станціи „Рось“. Предпославши себѣ громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ и такой-же букетъ отъ своей супруги для возложенія на